

КАНТОШЕНСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Из цикла «ПРОБЕЛЫ В ГЕОГРАФИИ»

Раньше кантошенцы жили хорошо. И только не было у них счастья. Счастья, даже самого захудалого, мизерного и простенького, кантошенцы никогда не видели, но точно знали, что оно есть.

Хоть и не было в Кантошено счастья, зато в самом центре села стоял огромный и стародавний масленичный столб.

И передавалось из уст в уста предание о масленичном столбе, что на его макушке каждую весну можно найти счастье.

Каждую весну молодые кантошенцы лазали на столб.

И каждый надеялся, что именно он найдет там, наверху, то самое, никем не виданное счастье.

Долезть до макушки старого масленичного столба — дело трудное.

Те, у кого по неопытности залезть никак не получалось, до следующей весны ходили угрюмые.

Удачливые и особенно хваткие добирались до вершины с первой попытки, но там, наверху, — там всегда были только новые кожаные сапоги.

В конце концов собрались на площади всем селом и решили, что новые сапоги — это и есть счастье.

Приняв судьбоносное решение, кантошенцы вздохнули облегченно.

Легко и счастливо хрустя сапогами, расходились по своим домам и думали только о хорошем.

С тех пор в Кантошено счастье было почти у всех...

* * *

Но однажды рано утром все жители Кантошено проснулись одновременно, пронзенные одной и той же мыслью: в Катманду никто не знает о счастье!

Кантошенцы вышли из своих домов, прижимая под мышкой с одной стороны своих маленьких детей, с другой стороны — запасную пару новых сапог.

Так молча, поскрипывая голенищами, они дошли до окраины села.

Все остановились, не зная, что делать и куда идти дальше.

И тогда один самый старый и мудрый кантошенец сказал: «Друзья, послушайте, я хочу сказать вам одну очень важную вещь!»

Все обратились лицами к нему, и в тишине зазвучали веские слова мудрейшего старика.

— Я прожил долгую жизнь, и не зря вы все называете меня самым старым и мудрым кантошенцем, ведь я знаю о вас абсолютно все.

— Знаю историю нашего села и историю каждого двора.

— Но за все эти годы я так и не узнал одного...

— Кто же вешает сапоги на масленичный столб?!

Все переглянулись и вначале ничего не поняли, ведь каждый думал, что сапоги вешает на столб раз точно не он, то сосед.

И вот тогда над толпой повисло марево сомнения, переросшее в дрожь робких невнятных шепотов: «Ша-бу-ду, чу-ба-до...»

И вот над толпой проскользнуло первое, чуть слышное: «Чудо...»

«Чудо, чудо...» — уже смелее и громче раздались хриплые голоса мужиков.

«Чудо-о-о-о-а!» — истерично вскинулась какая-то баба, и заревел упавший из ее рук ребенок.

«Чудо...» — тихо и светло проговорил старый и мудрый кантошенец и умер.

Так в Кантошено умер самый мудрый человек, но родилось чудо.

И в словаре кантошенцев появилось необъяснимое чудо.

Шумели и удивлялись долго и дружно.

Расходились — по необходимости.

Собирали своих детишек.

Мальши играли друг с другом — копошились в лужах и навозных кучах.

Мамаши ловко хватали за пятки и тянули из грязных луж и жирного навоза свои надежды на будущее.

Детские крики и слезы, грязный подол материнского платья, запах перегноя, потные лица — все смешалось в одно большое кантошенское детство.

Детские годы кантошенцев были счастливыми и чудесными...

* * *

Но один молодой кантошенец не кричал «чудо».

Он вообще стоял как-то даже не в стороне и даже не сбоку, а скорее, сбоку припеку.

Этот молодой кантошенец недавно вернулся из города, где бросил два года учебы в столярном ПТУ и беременную городскую девушку.

Первое он предпочитал упоминать в беседе с сельчанами только в качестве института и, вдобавок ко всему, инженерного, а вторым — внутренне как-то даже высокомерил, считая своих земляков не способными ни на какие более или менее мужские культурные поступки.

Конечно, не только и не столько по этому неизвестному никому внутреннему убеждению, но по наличию в биографии фактов географических перемещений, все кантошенцы считали молодого человека очень культурным и цивилизованным, даже немного городским и ученым.

Так вот этот молодой кантошенец не кричал «чудо».

Он прикидывал в голове такие мысли: «Так, так, так... А если никто не знает, кто же вешает сапоги на масленичный столб...»

Эта мысль как-то с помощью то ли химической реакции в мозге, то ли какой-то непонятной системы внутри черепа кантошенца выдала следующее соображение: «Но ведь из этого может выйти неплохой... бизнес».

Молодой человек слышал это слово в городе много раз, и все, кто учился с ним в ПТУ, и все, с кем вечерами они попивали дешевое пиво или разнообразные напитки, называемые то коктейлем, то джин-тоником, так вот, они все повторяли как заклинание: «Бизнес...» — после чего делали многозначительные лица и повторяли, уже растягивая и смакуя на букве «е»: «Би-и-из-не-ес...»

Там, в городе, он еще больше счастливел, повторяя с друзьями «бизнес» и добавляя к нему

волшебные «маркетинг», «мерчандайзер» и еще много всяких разных странных для русского уха звуков.

И так ему это слово «бизнес» нравилось, что очень хотелось этим словом называться.

Подумав так, молодой человек потихонечку испарился в утренней сырости...

* * *

Самый старый и мудрый кантошенец, помимо мудрости и знаний обо всем селе, имел во всем селе всяких-разных родственников (фактически в Кантошено родственниками были все).

Потому хоронили деда всем селом.

А так как дед был довольно назойливым при жизни и постоянно всем надоедал со своими мудрыми советами, то постепенно похороны перетекли в застолье, в результате которого часам к одиннадцати вечера даже был порван баян и сломано несколько табуретоподобных конструкций.

— Что ж, жизнь продолжается! — говорили кантошенцы друг другу за столом и чокались кружками, стаканами, стопками и всем тем, чем положено чокается кантошенскому человеку.

— Неужели дед хотел бы, чтобы мы все легли тут и умерли! — и чокались опять.

В общем, проводили деда довольно весело.

И эта жизнеутверждающая процедура, которую даже нелепо называть поминками, не затянулась...

* * *

А через несколько дней, когда самого старого и мудрого кантошенца схоронили всем селом, на следующее утро все вышли во дворы и наблюдали такую картину.

Тот самый молодой кантошенец ходил по дворам с одним и тем же назойливым предложением.

Начинал он свою речь каждый раз одинаково не предложением и даже не требованием, а чем-то посередине.

— Нам надо срочно выбрать председателя сельсовета! — говорил он в каждом дворе, после чего в путаных его рассуждениях начинали метаться различные неожиданные сочетания, вроде «готов взять ответственность на себя», «будучи молодым и перспективным» и еще что-то про «ремонтирование» или «реформирование».

Каждый кантошенец, кантошенка или маленький кантошонок выходил во двор и недоуменно смотрел на молодого человека.

— Что это за тьмутаракань, — с жаром брызгал он слюной на лица и руки несчастных кантошенцев.

— Во всех цивилизованных обществах есть администрация и глава администрации! Мы живем в прошлом веке!

В общем, каждая его речь сводилась к одной и той же вопросительной фразе: «Вы согласны выбрать председателем меня?»

Кантошенцы равнодушно пожимали плечами, лишь бы он скорее убрался с их двора и не мешал управляться по хозяйству.

В конце концов, в Кантошено никакого председателя сельсовета отродясь не было.

Да и сельсовета там никогда не было, ведь кантошенцы всегда обходились своим умом и опытом.

Равнодушные пожатия плеч молодой кантошенец принимал как согласие, и так, к вечеру этого же дня, прошел все дворы и получил согласие всех жителей села...

* * *

А еще через несколько дней, выйдя на сельскую площадь, кантошенцы обнаружили следующую картину.

Масленичный столб был обнесен деревянным забором из кривых сучковатых, но толстых досок.

Влажный утренний сквозняк трепал какой-то листок, прищипленный к заборной щели то ли обломком спички, то ли огрызком щепки.

Рядом прохаживался молодой кантошенец.

С важностью заложив ладони за пояс штанов, как бы придерживая свой небольшой животик, он ходил перед трясущимся на заборе куском бумаги.

Когда вокруг собралась приличная толпа, то трое кантошенцев, стоящих вплотную к прищипленной бумажке, начали разбирать неровные строки кривых и напалзающих друг на друга букв.

Вначале на листке стояло «Приказ» — это было несколько раз перечеркнуто.

Ниже было выведено «Распоряжение» — затерто грязным пальцем.

Видимо, у автора были проблемы или с канцелярскими принадлежностями, или с чистоплотностью.

Дальше зачеркиваний и затирааний больше (ну или почти) не было.

Вот такой текст прочитали кантошенцы на листке, что висел на заборе, что появился в этот день вокруг масленичного столба, прочитали вслух и в присутствии молодого и, как выяснилось, единогласно избранного председателя сельсовета.

Решение:

1. Признать масленичный столб культурным достоянием Кантошено.

2. Масленичный столб охранять силами сельсовета.

3. Выяснить, кто же вешает новые сапоги на масленичный столб, и наградить благодетеля от благодарных жителей Кантошено, которым дал он этими сапогами счастье.

4. С желающих лазать на столб собирать небольшой взнос на награждение выясненного благодетеля.

Председатель Кантошенского сельсовета Н. Е. Который.

Ниже была приписка: «Осуществлять охрану, и сбор средств назначить молодого и прогрессивного кантошенца Н. Е. Которого».

И еще раз с подписью и печатью: председатель Кантошенского сельсовета Н. Е. Который.

Вначале казалось, что поднимется недоуменный шум, что всех возмутят до личной внутренней революции эти наглые распоряжения ничейным (или всеобщим, что намного существенней для понимания прав и обязанностей председателя!) масленичным столбом.

Но нет, шума не поднялось.

Кантошенцы подумали, что ведь правда интересно узнать, кто же вешает сапоги на масленичный столб, да и взнос небольшой и на благое дело.

Все равнодушно пожали плечами и разошлись по своим делам...

* * *

Шли годы.

Теперь каждую весну платили небольшую мзду повзрослевшему председателю сельсовета.

Как и прежде, юноши Кантошено по весне собирались возле столба и лазали наверх за «счастливыми сапогами» — так их прозвал кантошенский народ.

Кто-то был более ловок, кто-то менее, но небольшую плату Н. Е. Которому давали все.

«За счастье надо платить», — приговаривал иногда председатель сельсовета.

* * *

Шли годы.

За счастье надо платить — говорили молодежи старшие.

За счастье надо платить — так стала гласить народная мудрость в Кантошено.

Постепенно в кантошенском мире появилась традиция.

Каждой невесте, в придачу к основному приданому, откладывалась небольшая сумма, чтобы жених, то есть будущий глава и отец семейства, спазал на масленичный столб за счастьем для молодой семьи...

* * *

Шли десятилетия.

Все совершенно забыли, что этот старый седой старик, дежуривший по весне с коробочкой возле столба, на которой было написано «деньги», собирает деньги для благодетеля, вещающего наверх сапоги.

Сам старик собирал деньги уже по привычке и даже возмущался, когда кто-то не хотел платить, призывая в свидетели совершающейся несправедливости других жителей деревни.

Старик уже давно считался хранителем масленичного столба, и в глазах любого односельчанина только старику Н. Е. Которому можно было собирать деньги и использовать их для собственных нужд.

Нужды у председателя делались вначале все более, но постепенно, с годами — все менее разнообразными, а с десятилетиями совсем свелись буквально к основным человеческим потребностям — поесть, поспать и чем-то укрыться во время длинных кантошенских метелей.

Рядом с хранителем масленичного столба всегда отирался какой-нибудь непонятной масти и цвета пес.

Старик был неизменен, псы менялись постоянно.

Псы были одного и того же общего вида и непонятной принадлежности, как и сам старик, забор, коробочка с надписью «Деньги», ее цвет и все, что было вокруг столба.

Потому все были уверены, что пес, как и старик, всегда был один и тот же.

Иногда какой-нибудь маленький кантошонок дразнил пса, бросая в него огрызком кислой рапетки либо просто куском навоза.

Особо дерзкие даже бросали кусок навоза в будку или в забор, а в исключительных случаях попадались такие безбашенные кантошата, которые могли бросить камень в стену старицкой каморки.

Возле забора и будки за эти десятилетия появилась каморка.

Но всегда кантошонка отлавливали и наказывали сами родители, потому что старик — хранитель масленичного столба — это традиция, а традиции надо соблюдать и чтить!

По крайней мере те дворы, которые стояли вокруг масленичной площади, могли точно утверждать, что ни один выросший у них кантошонок, даже самый малюсенький, не прошел мимо брошания в пса или в старика куском навоза.

Каждый в детстве получал за это ремня от отца — сурового кантошопца — или прута от матери — добротной добропорядочной кантошенки.

Вырастая и взрослея, все вспоминали такие случаи, посмеиваясь и грустя.

Ведь это тоже была традиция — посмеиваться и грустить над тем, как в детстве отец или мать надрали тебя за общее дело — бросание в масленичные будку пса или коморку старика куском навоза и всем тем, что попадалось под руку маленьким кантошатам, возящимся в уличной пыли и грязи...

* * *

Шло время.

Рождались и умирали те, кто залезал на масленичный столб и кто когда-то на него не смог залезть.

Но старик будто сам стал частью этого столба.

Он ни с кем не разговаривал и даже казался немного нечеловеком.

Потому что назвать его мертвым было нельзя, он все-таки жил в своей занюханной малюсенькой коморочке.

Но он ни с кем не общался, а просто выдвигал вперед ящик очередному претенденту на столб, и если у кого-то не было мзды, то закрывал рукой калитку.

И любой здоровый, сильный, но не имеющий средств молодой кантошонок, опуская плечи, подчинялся, потому что это тоже была традиция...

* * *

И вот однажды в Кантошено уже не осталось в живых никого из тех, проснувшихся ранним утром и узнавших, что на масленичный столб никто из жителей села сапог не вешал.

Остался только столб и старик, остальные просто по привычке жили, лазали на столб, вносили ритуальную мзду на будущее счастье и были уверены, что так было с самых древних времен.

Старик молчал и совершенно не пытался что-то вспоминать.

Он просто жил возле столба.

Так прошло и время, и жизнь целого поколения кантошенских людей, а старик уже не был человеком — то ли жил, то ли нет, и никем не интересовался, кроме желающих залезть на столб...

Но вот, по прошествии многих лет, ранним утром, когда «кукаре» уже прозвучало, но закончить не смог ни один петух, потому что задремал, так вот, ранним весенним утром все жители Кантошено проснулись одновременно, пронзенные одной и той же мыслью: в Катманду никто не знает о счастье!

Точно так же, как их праотцы, они молча поднялись из своих постелей, взяли на руки и под мышки детей, вышли из домов, собрались на краю села, остановившись в зимне-весеннем полумраке еще не начавшегося утра.

Они стояли, и никто не знал, что делать и куда идти дальше.

Старик — хранитель масленичного столба — тот самый молодой человек, которому очень нравилось слово «бизнес», — тоже был здесь.

Впервые за многие годы ему приснился какой-то сон, и проснулся он, как и другие жители села, от той же мысли.

В Катманду никто не знает о счастье!

Именно этот, когда-то молодой кантошонок, председатель сельсовета, сторож и охранник, хранитель культурного достояния, некогда считавшийся немного городским, очень культурным и даже цивилизованным человеком, именно этот старик был сегодня самым старым жителем Кантошено.

— Послушайте, я вспомнил! — сказал старик, и все головы повернулись в его сторону.

— Друзья, я прожил долгую жизнь!

Все переглянулись, к чему это вдруг хранитель масленичного столба говорит в прошедшем времени.

Лиц видно не было, только марево поднимающихся дыханий вокруг каждой головы, словно ранним утром над рекой плывет испарина, похожая на вуаль, но сырая и неприятная, если опустить в нее руку.

В эту испарину было опущено каждое лицо.

— Друзья, сегодня я должен сказать вам важную вещь!

— За все эти годы я так и не узнал, кто же вешает сапоги на масленичный столб...

Кантошенцы зашумели, ведь оказалось, что этого не знает никто.

— Как? Как! Кто же вещает? Я-то думал... — сказал практически каждый про себя, но вслух проговорили только несколько самых истеричных кантошенских теток.

— Нет, нет, нет! — продолжил самый старый кантошонок. — Я не об этом хотел сказать.

— Я прожил долгую жизнь, но так и не узнал ответа на главный и простой вопрос...

— Я так и не понял, почему в Катманду никто не знает о счастье?!

Бросив в толпу этот вопрос, старик повернулся спиной к утренним сумеркам и, обходя весенние склизкие и ломкие лужи, запередвигался домой.

Как-то незаметно и по привычке ковылял он к своей каморке, где лег и задремал.

Пошумев, жители начали расходиться.

Матери тянули за хохолки и за пятки своих уже разбежавшихся по навозным кучам и грязным щелям в заборе кантошат и кантошаточек.

Кто-то даже пробубнил: «Что такое Катманду?»

А трое парней, которые только в этом году благополучно слазали на столб за своими «сапогами счастья», посмотрели на одного идущего в сторонке неудачника, который уже много лет не мог никак добраться до макушки столба.

И один из них громко произнес: «Вон, катмандинец, который не знает о счастье».

А тот неудавшийся столболаз постарался быстрее уйти к себе на свой двор, уверенный, что в следующем году он не будет катмандинцем и точно достанет с макушки масленичного столба свои «сапоги счастья»...

* * *

Старик так никогда и не узнал, что ответ, простой и понятный, был у каждого жителя Кантошено на ногах.

Ведь за все эти годы ни один катмандинец не то чтобы не лазал на масленичный столб, но даже не покупал сапоги у кантошенцев.

А если нет сапог, значит, нет и счастья.

По крайней мере, нет кантошенского счастья.

ДА ПРИДЕТ СПАСИТЕЛЬ!

Эмил Андрейевич Полтавский выдвинул собственную версию поглощения рыбасА.

— Господа, в этот знаменательный день...

Бах! — кто-то бросил тухлым яйцом. У ног оратора растеклось склизкое вонючее пятно, автором которого была женщина с лицом без всякой внешности. Полтавский сориентировался:

— Дамы и господа, простите за столь нелюбезный тон и простой сыромятный слог, но рыбасА нужно есть с хвоста! Эта суровая правда жизни, которую от вас скрывали орды масонов, захватившие исконно нашу национальную землю!

Все насторожились — к чему бы это, к чему клонит Полтавский? Если рыбасА нужно есть с хвоста, то что это означает?

— Дамы и господа, это не означает ровным счетом ничего! — торжественно изрек Полтавский.

Бах! — второе тухлое яйцо растекалось по его модному пиджаку. Автор яйца был неизвестен.

— Откуда вы взяли яйца, да еще и тухлые? Вы, право, ведете себя как плебеи. Послушайте, разве можно бросаться тухлыми яйцами?! Ведь в это смутное время, когда нашу землю топчут погаными ногами либералы, разве можно сидеть сложа руки?! Нужно действовать! Бросаем яйца в нужном направлении! А то, что мы едим рыбасА с хвоста — пусть это будет нашим вызовом общественному вкусу, пускай это будет нашим вызо-

вом обществу либерально настроенных либералов! — Воздев на последнем предложении руки к потолку, Полтавский закончил свою короткую зажигательную речь.

Направление, в котором необходимо бросать тухлые яйца, было определено господином Полтавским не совсем точно, а если уж быть честным, то совсем неточно. Кроме того, оказалось, что в зале присутствует ряд тех самых либерально настроенных либералов, и именно они являются владельцами целой коробки тухлых яиц. Эмилия Андреевича возмутило столь несправедливое распределение частной собственности, и он, в доверок к своей речи, встал и добавил:

— Послушайте, только объединение принесет счастье и радость всем нам. Давайте восстановим в цене христианские ценности, давайте соберем все яйца в одно лукошко, так сказать. Давайте будем делиться яйцами!

Разумеется, главным распределителем лукошка Полтавский подразумевал самого себя, а то, что он предлагал делиться тухлыми яйцами, его особо не смутило.

Первое слабое «Долой!» неожиданно разнеслось из зала и постепенно начало разрастаться в недовольный гул, и вот оно уже превратилось в знаменитый выстрел крейсера «Аврора». Долой, долой! — скандировал зал. Эмилия Андреевич по-

нял, что необходимы решительные действия, — он вновь резко поднялся и выхватил из кармана модного пиджака большой кусок семги:

— Господа, вот эта семга! Грызите с хвоста, только так вы спасетесь! Вы спасетесь, — вещал Полтавский. — Вы, конечно же, спасетесь. — Никто не чувствовал подвоха, а подвох был:

— Вы, конечно же, спасетесь, но... это будет ваше личное эгоистическое спасение. Как вы спасете близких, как вы спасете мир, в котором будете жить?! Есть лишь один способ! — Он выдержал небольшую паузу.

— Не надо грызть. Сосите! Будьте как дети, как учил нас Христос! Сосите тихо, и тогда вы спасете целый мир!

Тишина. На сцене, в расстегнутом пиджаке, замер Полтавский — он словно грозит кому-то верхнему зажатым в кулаке куском жирной семги. Внезапно, в едином порыве, зал взрывается аплодисментами. Полтавского трогают за ступни ног и кисти рук, сотни восторженных глаз светятся сумасшедшим ликующим счастьем. Растроганные либерально настроенные либерасты признают свои ошибки и дарят Эмилю Андреевичу розовую красивую коробку, на которой написано: «Гламурный ошейник от лидеров в производстве аксессуаров для доминирования и подчинения» — мягкая меховая подбивка, цепочка-поводок и регулирующаяся застежка...

Председатель Главного Писательского Управления, или просто ГПУ, открыл глаза. Стены знакомого кабинета уныло смотрели на него грамотами и сертификатами за заслуги перед ли-

тературой. В дальнем углу поблескивали кубок и медаль «За защиту либеральных свобод», которые в самом начале лихолетья вручил Эмилю Андреевичу «сам лично», тот, чье имя сегодня стало нарицательным. На столе по черной глади монитора плавал значок Microsoft, а в дверях стояла Ольга Федоровна Песикова, секретарь торжественных заседаний ГПУ.

— Эмиль Андреевич, уже все писатели собрались, только вас ждем, я стучала, но вы не отвечали. Вы хорошо себя чувствуете, опять сердце? — Лицо Песиковой выражало неподдельную тревогу, ведь если, не дай бог, с шефом что-то случится, то это будет концом и ее карьеры — новый начальник, сто процентов, безжалостно выкинет на улицу колченогую пенсионерку-секретаря.

— Нормально, иду, иду уже. Ни хрена с ними не случится, подождут, не развалятся.

Ольга Федоровна попятилась в коридор, прикрывая за собой дверь. Вообще, заседание было назначено на 11:00, но все как обычно приперлись на час раньше, предвидя намечающийся банкет.

— Бобровский и Славиков опять будут поддавать, вечно они заранее начинают... — Эмиль Андреевич устало провел ладонью по лицу и взял подарочную кружку с остывшим кофе. Допивая дешевый напиток, он все думал про этот свой странный сон на рабочем месте.

— Да, стар ты стал, Эмиль, стар... Ладно. — Полтавский встал и поправил модный клетчатый пиджак. Пора было идти, говорить речь на открытии нового писательского сезона.